

РЕЦЕНЗИИ

РУССКОЕ НЕОКАНТИАНСТВО:
ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ¹В. Н. Белов, Т. В. Сальникова²

Рец. на кн.: Czardybon B. *Problem wiedzy w rosyjskim projekcie neokantowskim*.
Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN,
2017. 356 s.

Рецензируемая книга — «Проблема знания в русском неокантианском проекте» — представляет собой несколько измененную версию докторской диссертации, которую Барбара Чардыбон защитила в 2014 г. на философском факультете Ягеллонского университета в Кракове. Следует отметить, что польская исследовательница истории русской философии имеет уже несколько публикаций на русском языке, вышедших в том числе в «Кантовском сборнике» (см.: Чардыбон, 2015; Белов, Чардыбон, 2016). Книга опубликована в серии «Русская философия», которая издается институтом философии университета Зелёна-Гуры. Серия объединяет польских исследователей, занимающихся изучением русской философской мысли XIX и XX вв. Редакторами серии являются известные польские ученые, профессора Лилианна Киейзик и Яцек Углик (Lilianna Kiejzik, Jacek Uglik). В качестве основной цели издатели серии декларируют пропаганду «богатых содержанием идей, рожденных в умах восточных философов». Книга Барбары Чардыбон составила девятый том серии. До этого в ней уже были опубликованы исследования, посвященные о. Сергию Булгакову, Николаю Бердяеву, Алексею Лосеву, о. Павлу Флоренскому, Фёдору Достоевскому и Александру Герцену.

Во введении Барбара Чардыбон намечает основные линии своего исследования. Прежде всего она затрагивает определение неокантианства и этапов его исторического развития. Б. Чардыбон справедливо указывает на большое количество тенденций и направлений, выделяемых историками философии в неокантианстве. Тем не менее большинство исследователей истории неокантианства ведут речь о двух основных этапах этого философского направления: этапе так называемой кантовской филологии, то есть определенной экзегезы кантовских текстов и заключенных в них новаторских идей, и этапе более самостоятельного прочтения кантовской философии, приверженности ее духу, но не букве. Однако данная периодизация

¹ Рецензия подготовлена в рамках инициативного проекта РУДН № 100412-0-000 «Наука и миф».

² Российский университет дружбы народов (РУДН) 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Поступила в редакцию: 07.04.2018 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2018-2-6

© Белов В. Н., 2018

© Сальникова Т. В., 2018

REVIEWS

RUSSIAN NEO-KANTIANISM:
AN EXTERNAL PERSPECTIVE¹V. N. Belov,² T. V. Salnikova³

Review: Barbara Czardybon,
Problem wiedzy w rosyjskim projekcie neokantowskim.
Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN,
2017, 356 pp.

The book under review — *The Problem of Knowledge in the Russian Neo-Kantian Project* — is a somewhat amended version of the doctoral thesis that Barbara Czardybon wrote and defended at the Faculty of Philosophy of the Jagiellonian University in Kraków in 2015. Some of her earlier works were published in Russian — two of which previously appeared in the *Kantovsky Sbornik / Kantian Journal* (see: Czardybon, 2015; Belov & Czardybon, 2016). The book is part of the series “Russian Philosophy” published by the Institute of Philosophy of the University of Zielona Góra. Edited by famous Polish scholars Lilianna Kiejzik and Jacek Uglik, the series brings together Polish researchers focusing on the Russian philosophical thought of the 19th and 20th centuries. The books in the series seek to disseminate the “wealth of ideas that originated from the minds of Eastern philosophers.” Dr Czardybon’s book is the ninth in the series. The earlier instalments were dedicated to Father Sergey Bulgakov, Nikolai Berdyaev, Aleksey Losev, Father Pavel Florensky, Fyodor Dostoevsky, and Aleksandr Herzen.

In the introduction, Czardybon delineates the major strands of her research. At first, she gives a definition, and outlines the history, of Neo-Kantianism. In particular, she stresses the vast variety of Neo-Kantian trends and traditions described by historians of philosophy. Most researchers of the history of Neo-Kantianism distinguish between the period of “Kantian philology,” marked by the exegesis of Kantian texts and of the novel ideas contained in them, and that of an independent interpretation of Kantian philosophy and commitment to the spirit rather than to the letter of the

¹ This article was supported by the RUDN University’s *Science and Myth* project, № 100412-0-000.

² RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198.

³ RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198.

Received: 07.04.2018.

doi: 10.5922/0207-6918-2018-2-6

© Belov V. N., 2018

© Salnikova T. V., 2018

неокантианского направления в европейской философии, по мнению автора книги, во-первых, вынуждена заканчивать его историю 20-ми гг. XX в. и не способна внятно объяснить современную актуальность неокантианства. Во-вторых, она опирается на узкую трактовку понимания духа кантовской философии, и, наконец, в-третьих, не может непротиворечивым образом истолковать эволюцию многих, в том числе русских, учеников марбургской и баденской школ неокантианства. Гораздо более продуктивной Б. Чардыбон считает периодизацию неокантианства, предложенную известным польским исследователем немецкого неокантианства А. Норасом в монографии «История неокантианства» (Noras, 2012) и предполагающую третий этап в развитии этого направления, а именно — этап постнеокантианства. Причем этот этап связан с радикальной сменой в приоритетах трактовки кантовской философии и так называемым онтологическим поворотом в европейской философии начала XX в. Чардыбон вслед за Норасом полагает, что этот онтологический поворот не был чем-то маргинальным для кантовской позиции в ее отношении к метафизике, а наоборот, выражал основную интенцию мысли философа о построении новой метафизики, свободной от предрассудков и догматических ограничений метафизики старой.

Вторая основная линия, последовательно проводимая автором книги, касается отношения западных исследователей к русской философии в целом и к русскому неокантианству в частности. Б. Чардыбон убеждена в ошибочности утверждений некоторых, в том числе авторитетных, польских ученых (например, А. Валицкого) о том, что русская философия представляет собой лишь вторичную рефлексию по сравнению с философскими размышлениями, рожденными в Западной Европе. Она стремится указать на недопустимость преувеличения в подчеркивании решающего влияния западноевропейских философов на интеллектуальную культуру России, поскольку это неизбежно ведет к маргинализации последней. Польская исследовательница истории русской философии разделяет точку зрения, согласно которой нельзя ни абсолютизировать, ни игнорировать особенности русской философии. При всех серьезных влияниях и заимствованиях русская философская культура всегда оставалась самостоятельной и самобытной частью мировой философии. Данное утверждение автор книги в полной мере относит и к характеристике русского неокантианства, которое, помимо очевидного влияния марбургского и баденского неокантианства (многие русские философы были учениками известных представителей этих немецких философских школ), имеет и свою глубокую традицию переводов, интерпретации и развития кантовской философии.

В первой главе «Проблема знания в немецком неокантианстве» (*Problem wiedzy w neokantyzmie niemieckim*) Б. Чардыбон подчеркивает известный факт особого «пристрастия» неокантианских школ

great Königsbergian's works. Czardybon criticises this periodisation on several grounds. Firstly, it views Neo-Kantianism as non-existent after the 1920s and it cannot account for the current relevance of Neo-Kantianism. Secondly, it uses a narrow interpretation of the spirit of Kantian philosophy. Thirdly, this periodisation cannot produce a consistent interpretation of the evolution of many, including Russian, students of the Marburg and Baden Schools of Neo-Kantianism. Czardybon favours the periodisation proposed by the authoritative Polish researcher of German Neo-Kantianism Andrzej Noras (see: Noras, 2012), who identifies a third stage that he labels "Post-Neo-Kantianism." This stage is associated with a dramatic change in the priorities of Kant studies and with the so-called ontological turn in European philosophy at the beginning of the 20th century. In agreement with Noras, Czardybon writes that the ontological turn was not marginal to the Kantian position with regards to metaphysics, but that, on the contrary, it embodied Kant's vision of a new metaphysics that should be free of the prejudice and the dogmatic limitations of the old metaphysics.

The second topic investigated in the book is the way Western researchers perceive Russian philosophy in general and Russian Neo-Kantianism in particular. Czardybon disagrees with some authoritative, including Polish (A. Walicki), scholars that Russian philosophy is a mere secondary reflection as compared to Western European philosophical thought. The monograph under review tries to disprove the marginalising thesis about the decisive influence of Western European philosophers on Russia's intellectual culture. Czardybon cautions against either ignoring or over-emphasising the distinctive features of Russian philosophy. Although affected by strong influences and incorporating borrowings, Russian philosophical culture has always been an independent and original part of international philosophy. According to Czardybon, this thesis equally applies to Russian Neo-Kantianism. Alongside the evident influence of the Marburg and Baden Schools (many Russian philosophers studied under their members), Russian Neo-Kantianism is characterised by a rich tradition of translation, interpretation, and development of Kantian philosophy.

In the first chapter, titled "The Problem of Knowledge in German Neo-Kantianism" (*Problem wiedzy w neokantyzmie niemieckim*), Czardybon emphasises that the German schools paid particular attention to the problem of knowledge and cognition. She draws on the findings of the authoritative Polish researcher of Neo-Kantianism T. Kubalica, which were presented in his article "Knowledge in Neo-Kantianism" (Kubalica, 2013). The article offers a vast array of materials

к проблеме знания и познания. При этом она ссылается на оценки и размышления по данному вопросу авторитетного польского исследователя немецкого неокантианства Т. Кубалицы, озвученные им прежде всего в статье «Знание в неокантианстве» (Kubalica, 2013). При всем богатстве и разнообразии материала, представленного в данной статье (а этот материал возник в результате анализа взглядов Германа Гельмгольца, Якоба Ф. Фриза, Алоиса Рихля, Вильгельма Виндельбанда, Генриха Риккерта, Бруно Бауха и Пауля Наторпа), автор книги указывает и на то, что он не охватывает все же третий период — период так называемого постнеокантианства, для которого также характерно внимательное отношение к проблеме знания, однако уже на онтологическом, а не эпистемологическом основании. Подобная трактовка постнеокантианского периода в развитии критической философии в европейской традиции позволяет Чардыбон отнести к этому периоду философские позиции Н. Гартмана и М. Хайдеггера.

В главе «Рецепция философии Канта в России. Зарождение русского неокантианства» (*Recepcja filozofi i Kanta w Rosji. Narodziny rosyjskiego neokantyzmu*) автор книги опирается как на российские источники — работы Н. Лосского, Л. Столовича, А. Круглова, В. Ахутина и др., так и на польские исследования рецепции философии Канта в России, подчеркивает сложившуюся богатую традицию русских переводов кантовских работ и его интерпретаций русскими философами, концентрирует свое внимание на противоречивом восприятии Канта русскими религиозными философами. Одним из факторов интереса русской философской общественности к неокантианству Б. Чардыбон справедливо полагает активизацию изданий переводов на русский язык произведений философов, представлявших различные неокантианские концепции. Среди работ немецких неокантианцев, переведенных на русский язык на рубеже XIX и XX вв., оказались труды Куно Фишера, Фридриха Альберта Ланге, Фридриха Паульсена, Вильгельма Виндельбанда, Генриха Риккерта, Бруно Бауха, Пауля Наторпа, Эрнста Кассирера, Карла Форлендера и Алоиза Рихля.

В главах, посвященных истории русского неокантианства, автор монографии опирается на идеи и результаты исследований таких авторитетных российских специалистов, как В. Н. Белов, Н. А. Дмитриева, А. А. Ермичев, В. И. Повилайтис, причем наиболее часто и, заметим, вполне обоснованно польская исследовательница прибегает к материалу, изложенному в монографии Н. А. Дмитриевой (2007).

Глава «Русское академическое неокантианство» (*Rosyjski neokantyzm akademicki*) посвящена представлению неокантианского проекта Александра Введенского, родоначальника, по мнению польской исследовательницы, классического периода в истории русского неокантианства. Здесь автор анализирует статус логики в структуре знаний и проблему взаимосвязи между верой и знанием в философских построениях

compiled from an analysis of the works of Hermann Helmholtz, Jakob Fries, Alois Riehl, Wilhelm Windelband, Heinrich Rickert, Bruno Bauch, and Paul Natorp. However, Czardybon stresses that Kubalica's inquiry did not include the period of Post-Neo-Kantianism, which treated the problem of knowledge from an ontological rather than an epistemological perspective. Such an interpretation of the role of Post-Neo-Kantianism in the development of critical philosophy in Europe makes it possible to attribute the ideas of Nicolai Hartmann and Martin Heidegger to the period under consideration.

In the chapter "Receptions of Kantian Philosophy in Russia. The Emergence of Russian Neo-Kantianism" (*Recepcja filozofi i Kanta w Rosji. Narodziny rosyjskiego neokantyzmu*), Czardybon employs both Russian (N. Lossky, L. Stolovich, A. Kruglov, V. Akhutin) and Polish studies on the receptions of Kantian philosophy in Russia. She emphasises the rich Russian tradition of the translation and interpretation of Kant's works and addresses the conflicting perceptions of Kant by Russian religious philosophers. According to the author of the monograph, the interest of Russian philosophers in Neo-Kantianism is partly due to the abundance of Russian translations of German Neo-Kantians. At the turn of the 20th century, the works of Kuno Fischer, Friedrich Albert Lange, Friedrich Paulsen, Wilhelm Windelband, Bruno Bauch, Paul Natorp, Ernst Cassirer, Karl Vorländer, and Alois Riehl were translated into Russian.

The chapters focusing on the history of Russian Neo-Kantianism employ the ideas and findings of authoritative Russian experts — V. N. Belov, N. A. Dmitrieva, A. A. Ermichev, and V. I. Povilaitis. Most often, the Polish researcher refers to N. A. Dmitrieva's monograph (Dmitrieva 2007), which seems completely justified.

The chapter "Russian Academic Neo-Kantianism" (*Rosyjski neokantyzm akademicki*) presents the Neo-Kantian project by Aleksandr Vvedensky, whom Czardybon considers to be the forefather of classical Russian Neo-Kantianism. In this chapter, she analyses the place of logic in the structure of knowledge and addresses the correlation between faith and knowledge in the thought of the early Russian Neo-Kantian. Czardybon concludes that Vvedensky's theory of cognition can be reduced to logic and, thus, to epistemology. She emphasises the Russian Neo-Kantians' predisposition towards metaphysics — a characteristic feature of Russian philosophy in general. Czardybon sees this feature not as a weakness but as a strength of Russian thinkers that is in line with the intentions of Kantian idealism with regards to the construction of a

русского неокантианца, приходя к выводу о том, что теория познания Введенского сводится к логике и, таким образом, становится эпистемологией. Б. Чардыбон указывает также на метафизические пристрастия русских неокантианцев, что отличает, собственно, всю русскую философию. Однако данное обстоятельство польская исследовательница интерпретирует не как слабость, а, напротив, как сильную сторону русских мыслителей, соответствующую интенциям кантовского идеализма по построению новой метафизики. Причем автор книги замечает и то, что у Введенского в его отношении к метафизике были предшественники и в стане немецких неокантианцев. В частности, Чардыбон указывает на Йоханнеса Фолькельта, который считал, что Кант не только положил конец старой метафизике, но и заложил основу для развития «новой, морально обоснованной метафизики» (s. 139). Следует заметить, что на очевидные параллели позиции русского неокантианца со взглядами его немецких коллег, в частности Германа Когена, указывает один из авторов этой рецензии (Белов, 2013), а также Н. А. Дмитриева, которая подчеркивает влияние на Введенского К. Фишера и Ф. А. Ланге (Дмитриева, 2013; Dmitrieva, 2016). Однако вызывает некоторое недоумение тот факт, что в своем представлении классического периода в истории русского неокантианства польская исследовательница ограничивается анализом философских взглядов Александра Введенского, хотя известно, что она хорошо знакома и с позицией его ближайших последователей И. И. Лапшина и Г. И. Челпанова.

Следующая глава, «Русское неакадемическое неокантианство: проект трансцендентального плюрализма Бориса Яковенко» (*Rosyjski neokantyzm nieakademicki: projekt pluralizmu transcendentálnego Borysa W. Jakowienki*), представляет собой попытку автора книги охарактеризовать философскую систему русского неокантианца, одного из основателей и активных участников журнала «Логос» (1910–1914, 1925), Бориса Валентиновича Яковенко как интересный синтез неокантианства Германа Когена и феноменологии Эдмунда Гуссерля. Действительно, синтетические интенции в системе трансцендентального плюрализма, как сам русский философ обозначает свою философскую позицию, выражены достаточно четко (можно при этом сослаться и на тот факт, что философию Когена, одного из своих любимых авторов, Яковенко интерпретирует как синтез философии Канта и Гегеля). Однако для подтверждения того, что данный синтез является синтезом неокантианства и феноменологии, необходимы, на наш взгляд, более серьезные аргументы и более глубокий анализ работ Яковенко, к сожалению, отсутствующие в рецензируемой книге.

Если уж чью философию и рассматривать как попытку непротиворечивого синтеза неокантианства и феноменологии, то это философию В. Э. Сеземана. Анализ его философской позиции и эволюции взглядов произведен в последней, пятой главе кни-

new metaphysics. The author of the monograph stresses that Vvedensky's treatment of metaphysics stems from the works of some German Neo-Kantians. In particular, she mentions Johannes Volkelt, who believed that Kant had not only put an end to the old metaphysics but had also laid the basis for a new, morally grounded metaphysics (p. 139). The obvious parallels between the positions of the Russian Neo-Kantian and his German colleagues, for instance, Hermann Cohen, have been drawn by one of the authors of this review (Belov, 2013) and by N. A. Dmitrieva, who stresses the influence of K. Fischer and F. A. Lange on Vvedensky (Dmitrieva, 2016; Dmitrieva, 2013). It is quite surprising that, in analysing the classical period of Russian Neo-Kantianism, Czardybon limits herself to a consideration of Vvedensky's views, although she is well acquainted with the positions of his closest followers I. I. Lapshin and G. I. Chelpanov.

The next chapter is titled "Russian Non-academic Neo-Kantianism: Boris Yakovenko's Transcendental Pluralism Project" (*Rosyjski neokantyzm nieakademicki: projekt pluralizmu transcendentálnego Borysa W. Jakowienki*). In this chapter, the author attempts to present the philosophical system of a co-founder of, and prolific contributor to, the journal *Logos* (1910–1914, 1925), Boris Yakovenko, as a peculiar synthesis of Hermann Cohen's Neo-Kantianism and Edmund Husserl's phenomenology. Indeed, the synthetic intentions in the system of transcendental pluralism – as Yakovenko labelled his philosophical position – are rather clear. Moreover, the Russian Neo-Kantian described the thought of one of his favourite authors, Cohen, as a synthesis of Kant's and Hegel's philosophies. However, to prove that this synthesis is indeed a synthesis of Neo-Kantianism and phenomenology one might need stronger arguments and a deeper analysis of Yakovenko's works. Alas, neither is presented in the book under review.

An obvious case of a consistent synthesis of Neo-Kantianism and phenomenology is V. E. Sesemann's philosophy. His thought and the evolution of his views are considered in the fifth chapter of the book, titled "The Russian Post-Neo-Kantian Project" (*Rosyjski projekt postneokantowski*). In this chapter, Czardybon carries out a comparative analysis of three "Russian thinkers" – N. Hartmann, V. Sesemann, and S. Frank. She believes that their ontological and Kantian intentions are similar enough to be classified as Post-Neo-Kantian ones. However, we believe that several points made by Czardybon require additional arguments. These include, firstly, the consideration of Nicolai Hartmann as a Russian rather than a German philosopher, secondly, the supposed similarity between Hartmann's and Frank's ontological views, and, thirdly, the classification of the thought of all the three philosophers as Post-Neo-Kantians.

ги — «Проект русского постнеокантианства» (Rosyjski projekt postneokantowski). Главный акцент в этой главе автор делает на сравнительном анализе взглядов трех «русских мыслителей» — Н. Гартмана, В. Сеземана и С. Франка, полагая их онтологические и кантианские интенции вполне сопоставимыми и достаточными для отнесения к разряду постнеокантианских. Однако опять же для того, чтобы, во-первых, отнести Николая Гартмана к русским, а не к немецким философам, во-вторых, считать вполне сопоставимыми онтологические построения Гартмана и Франка и, наконец, обозначить философские позиции всех троих как постнеокантианские, на наш взгляд, аргументов приведено недостаточно.

Обращаясь к анализу философии русских постнеокантианцев, польская исследовательница определяет и конкретное время появления этого философского феномена в пространстве русской и мировой философии. По ее мнению, это 10–20-е гг. XX столетия, отмеченные выходом таких работ русских мыслителей, как «Мистика и метафизика» С. И. Гессена (1910), «Рациональное и иррациональное в системе философии» В. Э. Сеземана (1911), «Путь философского познания» Б. В. Яковенко (1914), «Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания» С. Л. Франка (1915), «Иррациональность рассуждения» Г. Ланца (1926). «Если взвешенно говорить о существовании феномена “русского постнеокантианства”, — заявляет Чардыбон, — именно эти даты ознаменовали бы историческое начало этого образования. В свою очередь, 20-е и 30-е годы XX века будут связаны с полным расцветом творчества русских постнеокантианцев» (S. 208).

В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемая книга содержит богатый и интересный материал, характеризующий интенсивность и высокий уровень исследований польскими авторами немецкой и русской философии.

Список литературы

Белов В. Н. А. И. Введенский — родоначальник русского неокантианства // Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин / под ред. В. Н. Брюшинкина, В. С. Поповой. М. : РОССПЭН, 2013. С. 74–93.

Белов В. Н., Чардыбон Б. Исследования по истории русского неокантианства в Польше // Кантовский сборник. 2016. №1 (55). С. 66–86.

Дмитриева Н. А. Критицизм или мистицизм? А. И. Введенский и русское неокантианство // Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин / Под ред. В. Н. Брюшинкина, В. С. Поповой. М. : РОССПЭН, 2013. С. 40–73.

Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М. : РОССПЭН, 2007.

Чардыбон Б. Философия Василия Сеземана и марбургское неокантианство // Кантовский сборник. 2015. №3. С. 66–85.

In analysing the philosophy of the Russian Post-Neo-Kantians, Czardybon dates the emergence of the corresponding phenomenon in Russian and international philosophy to the 1910s-1930s. In Russia, those decades were marked by the appearance of such philosophical works as S. I. Hessen's "Mysticism and Metaphysics" (1910), V. E. Sesemann's "The Rational and the Irrational in the System of Philosophy" (1911), B. V. Yakovenko's "The Path of Philosophical Cognition" (1914), S. L. Frank's *The Object of Knowledge: On the Foundations and Limits of Abstract Knowledge* (1915), and H. Lanz's "The Irrationality of Reasoning" (1926). "A thorough analysis of the phenomenon of 'Russian Post-Neo-Kantianism'," Czardybon writes, "would show that these very dates are associated with its historical beginnings. The 1920s and the 1930s would be the zenith of Russian Post-Neo-Kantianism" (p. 208).

To conclude, we would like to emphasise that the book under review contains a rich and interesting analysis, which attests to the high level and breadth of Polish research on German and Russian philosophy.

References

Belov, V. N., 2013. A. I. Vvedneksy, the Forefather of Russian Neo-Kantianism. In: V. N. Bryushinkin, V. S. Popova, eds. 2013. *Neo-Kantianstvo v Rossii: Aleksandr Ivanovich Vvedensky, Ivan Ivanovich Lapshin* [Neo-Kantianism in Russia: Aleksandr I. Vvedensky, Ivan I. Lapshin]. Moscow: ROSSPEN, pp. 74-93. (In Russ.)

Belov, V. N., Czardybon, B., 2016. Studies into the History of Russian Neo-Kantianism in Poland. *Kantovsky sbornik* [Kantian Journal], 1, pp. 66-86. (In Russ.)

Czardybon, B., 2015. The Philosophy of Vasily Sesemann and Marburg Neo-Kantianism. *Kantovsky sbornik* [Kantian Journal], 3, pp. 66-85. (In Russ.)

Czardybon, B., 2017. *Problem wiedzy w rosyjskim projekcie neokantowskim*. Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN.

Dmitrieva, N. A., 2007. *Russkoe neokantianstvo: "Marburg" v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki* [Russian Neo-Kantianism: 'Marburg' in Russia. Historico-Philosophical Essays]. Moscow: ROSSPEN.

Dmitrieva, N. A., 2013. Criticism or Mysticism? A. I. Vvedensky and Russian Neo-Kantianism. In: V. N. Bryushinkin, V. S. Popova, eds. 2013. *Neo-Kantianstvo v Rossii: Aleksandr Ivanovich Vvedensky, Ivan Ivanovich Lapshin* [Neo-Kantianism in Russia: Aleksandr I. Vvedensky, Ivan I. Lapshin]. Moscow: ROSSPEN, pp. 40-73. (In Russ.)

Dmitrieva, N. A., 2016. Back to Kant, or Forward to Enlightenment: The Particularities and Issues of Russian Neo-Kantianism. *Russian Studies in Philosophy*, 54(5), pp. 378-394. <http://dx.doi.org/10.1080/10611967.2016.1290414>

Kubalica, T., 2013. Wiedza w neokantyzmie. *Studia Systematica*, 3, pp. 89-107.

Noras, A. J. 2012. *Historia neokantyzmu*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Dmitrieva N. A. Back to Kant, or Forward to Enlightenment: The Particularities and Issues of Russian Neo-Kantianism // *Russian Studies in Philosophy*. 2016. Vol. 54, no. 5: Neokantianism in Russia. P. 378–394. DOI: 10.1080/10611967.2016.1290414

Kubalica T. Wiedza w neokantyzmie // *Studia Systematica*. 2013. №3 (53). С. 89–107.

Noras A. J. Historia neokantyzmu. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2012.

Об авторах

Владимир Николаевич Белов, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия.

E-mail: belovvn@rambler.ru

Татьяна Викторовна Сальникова, старший преподаватель, кафедра онтологии и теории познания, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия.

E-mail: l.ontology@rambler.ru

Для цитирования:

Белов В. Н., Сальникова Т. В. Русское неокантианство: взгляд со стороны // *Кантовский сборник*. Т. 37, № 2. С. 90–95. Рец. на кн.: Czardybon B. *Problem wiedzy w rosyjskim projekcie neokantowskim*. Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 2017. 356 s. doi: 10.5922/0207-6918-2018-2-6.

The authors

Prof. Vladimir N. Belov, Head of the Department of Ontology and Epistemology, Faculty of Social Sciences and the Humanities, RUDN University, Moscow, Russia.

E-mail: belovvn@rambler.ru

Tatyana V. Salnikova, Senior Lecturer, Department of Ontology and Epistemology, Faculty of Social Sciences and the Humanities, RUDN University, Moscow, Russia.

E-mail: l.ontology@rambler.ru

To cite this article:

Belov, V. N., Salnikova, T. V., 2018. Russian Neo-Kantianism: An External Perspective (Rev.: B. Czardybon, *Problem wiedzy w rosyjskim projekcie neokantowskim*, Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 2017, 356 pp.). *Kantian Journal*, 37(2), pp. 90-95. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2018-2-6>.